

ФЕЛЬЕТОНЪ.

ЖУРНАЛЬНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Произведеніе писателя-вогара.—„Сквозь строй!“ раз-
сказъ г. Скитальца.—Картини крѣпостной старины.
—Картини нижегородской ярмарки.—Самоучка-учитель
жизни.—Военная мораль и статская мораль.

Съ особеннымъ интересомъ встрѣчаемъ въ декабрьскомъ номерѣ „Мира Божьяго“ раз-
сказъ г. Скитальца: „Сквозь строй!“ Это пи-
сатель-вогара, — постоянный сотрудникъ „Са-
марской Газеты“, между прочимъ, — и изобра-
жаетъ въ своемъ произведеніи волжскую при-
роду, волжскую старину, волжскіе типы. Раз-
сказъ написанъ очень недурно, хотя и съ чрез-
мѣрными, мѣстами, подражаніями Максиму Горь-
кому. Какъ бы ни былъ популяренъ послед-
ній талантъ, но подражать ему — значитъ сви-
дѣтельствовать о слабой оригинальности соб-
ственного дарованія, если не о погонѣ за со-
временными „босаячками“ вкусами въ лите-
ратурѣ.

Подражаніе Максиму Горькому у г. Ски-
тальца сказывается особенно въ мотивѣ ха-
рактеристики дѣйствующаго лица его пѣсней,
— мотивъ, повторяющемся въ новомъ разска-
зѣ до излишества часто.

За всѣмъ тѣмъ въ разсказѣ г. Скитальца
много интереснаго.

Интересны въ разсказѣ картины крѣпостной
старины, къ которой герой разсказа имѣетъ
непосредственное отношеніе. Онъ былъ дво-
ровый человѣкъ, барскій. Его отца, крѣпост-
ного столяра, засѣкли до смерти кнутомъ за
то, что онъ укралъ обрубокъ „барскаго“ дере-
рева; сына съ шести лѣтъ посылали гусятъ
пасти, обильно вознаграждая его спину руб-
цами за каждаго пропавшаго гусенка. А гусятъ
часто пропадали, потому что у мальчика
оказались больше артистическіе, чѣмъ пасту-
шьи вкусы. На гусляхъ онъ такъ самоучкой
выучился играть, что его посылали всякій
разъ играть къ барынѣ, когда у нея случалась
мигрень.

„Барыня была старая дѣвка, злющая-през-
лющая, — вспоминалъ крѣпостной артистъ; —
гусли слушать любила, а меня ненавидѣла, —
бывало, какъ заиграю ей да запою „Вьется
ласточка“ — сейчасъ это ее въ слезу ударяетъ;
въ слезу ударить — мигрень пройдетъ, а миг-
рень пройдетъ — барыня опять всѣхъ пороть
велитъ“.

Все это происходило незадолго уже до объ-
явленія воли. Это надо заключить изъ раз-
сказа героя, какъ, хорошо научившись сто-
лярному ремеслу и поработавъ по праздни-
камъ на себя, онъ пріѣзжаетъ въ родное се-
ло на тройкѣ съ колокольчикомъ.

„Здорово мнѣ влетѣло за этотъ колоколь-
чикъ: какъ заслышала барыня тройку — тутъ
же ее въ мигрень ударило: показалось ей, что
„волю“ везутъ, передъ волей это было. А на-

родъ бѣжить на встрѣчу, кричить: „воля! во-
ля!... Плачутъ“.

Потомъ герой разсказа влюбляется въ ба-
рынину воспитанницу, а она въ него, и за
этотъ неумѣстный романъ его отдають на фа-
брику.

„Продавали тогда мастеровыхъ изъ двора
на фабрики и заводы, на года: человѣкъ рабо-
таетъ, а деньги за него давно уже баринъ по-
лучилъ. И обходились съ такими закабаленны-
ми страшнѣе, чѣмъ съ каторжниками, лупили
и въ хвостъ, и въ гриву“.

Въ этой кабалѣ, на фабрикѣ около Волги
прожилъ герой разсказа шесть лѣтъ. Въ на-
деждѣ послѣ откупиться, онъ и здѣсь сталъ
работать по ночамъ сдѣльную работу, но де-
негъ ему на руки не выдавали, а только за
нимъ записывали. Когда кончился ему фаб-
ричный срокъ, и въ этихъ кровно-заработан-
ныхъ деньгахъ его обманули, вышвырнули его
за ворота фабрики съ однимъ узелкомъ да гу-
слами.

Побрелъ онъ назадъ къ своей барынѣ. Бре-
сти довелось съ недѣлю по болотамъ босикомъ,
а дѣло было осенью. Нога разболѣлась, а ба-
рыня увидѣла, что теперь съ человѣка пользы
мало, да и отдала его, единственнаго сына у
матери, и вдобавокъ больного, въ солдаты.

Въ солдатахъ онъ прямо попалъ въ больни-
цу, провалялся года два и вышелъ калѣжкой,
съ отрѣзанной ногой. А тутъ какъ разъ и во-
ля вышла!

Зато, за два года лежанья, онъ прочиталъ
много книгъ въ больницѣ и развился очень.

Интересны, далѣе, въ разсказѣ картины ни-
жегородской ярмарки, уже не однажды да-
вавшей матеріалъ для беллетристическихъ
изображеній. На ярмарку герой разсказа по-
палъ, въ качествѣ бродячаго музыканта, вмѣ-
стѣ съ сыномъ, отъ лица котораго ведется раз-
сказъ.

„Мы съ отцомъ ходили по многолюднымъ,
шумнымъ улицамъ огромнаго города, играли и
пѣли подъ окнами многоэтажныхъ домовъ,
продирались сквозь разноцвѣтную, веселую,
потную толпу...“

„Надъ ярмаркой стоялъ цѣлый адъ звуковъ:
изъ трактировъ ревели машины съ литаврами,
бубнами и турецкими барабанами, доносилось
безшабашное хоровое пѣніе съ визгомъ и
пляской.“

„Толпа, представлявшая смѣсь всеросій-
скихъ типовъ, фізіономій и одежду всѣхъ странъ
и народовъ, съ гуломъ, говоромъ, пѣніемъ и
руганью безконечнымъ потокомъ проходила
передъ нами: китайцы, бухарцы, негры и
итальянцы смѣнялись русскими купцами, му-
жиками, барынями, сапожниками и калачни-
ками“.

Характеренъ такой нижегородскій эпизодикъ
изъ разсказа г. Скитальца. Отецъ, во время
блужданія по городу, вспомнилъ, что въ Ниж-
немъ-Новгородѣ долженъ быть памятникъ Ми-
нину и Пожарскому. Онъ хотѣлъ показать па-
мятникъ сыну, которому разсказалъ объ этихъ
историческихъ русскихъ людяхъ, но сколько

ни спрашивалъ встрѣчныхъ, никто ничего не могъ сказать о памятникѣ.

— Есть другой Новгородъ,—рѣшили наконецъ отецъ,—такъ они тамъ, въ другомъ Новгородѣ!

Красиво изображена ниже пѣсня истиннаго музыканта въ грязномъ скверномъ городскомъ трактирѣ.

„Рѣзкимъ диссонансомъ прозвучала она въ этомъ грязномъ городскомъ трактирѣ, среди безшабашнаго веселья и нечистыхъ пѣсень. Невинныя гусельныя трели какъ бы случайно залетѣли сюда, словно пойманныя полевьяя птички. Отъ нихъ вѣяло чистымъ воздухомъ полей; онѣ какъ будто грустили, одиноко порхая въ нездоровомъ воздухѣ огромнаго, возбужденнаго города. А у насъ обоихъ, у отца и у меня, на сердцѣ была печаль по оставленной деревнѣ и страхъ передъ городомъ“.

Контрастъ между деревней и городомъ схваченъ и проведенъ въ этихъ строкахъ весьма удачно.

Герой разсказа, послѣ всѣхъ городскихъ мытарствъ, возвращается въ деревню. Здѣсь этотъ типъ пытливаго, даровитаго самоучки изъ народной среды становится наиболѣе интересенъ. По своей сравнительной образованности и даровитости онъ сразу дѣлается въ деревнѣ центромъ всеобщаго тяготѣнія. Идутъ къ „Гаврилѣ Петровичу“, когда надо получить не только хорошо, но и художественно сработанную столярную вещь. Идутъ, минуя фельдшера и доктора, больные, потому-что Гаврила Петровичъ „знаетъ молитву“, которая помогаетъ. Наконецъ, задѣлался онъ и адвокатомъ, безвозмездно давая совѣты по семейнымъ раздѣламъ или по личнымъ горестямъ.

Можетъ быть, этотъ типъ деревенскаго самоучки и чрезмѣрно идеализированъ г. Скитальцемъ: его герой является ужъ очень мастеромъ на всѣ руки, почти энциклопедистомъ. Но что зародыши такого типа въ народѣ попадаются, и еще болѣе попадались бы и развивались бы, если-бы получали нѣкоторыя просвѣты къ манящему ихъ свѣту,—это несомнѣнно.

Были и враги у деревенскаго свѣдущаго человѣка. Отъ души ненавидѣлъ его мѣстный мировой судья, старый баринъ и закоренѣлый крѣпостникъ. Судья мстил мужикамъ за уничтоженіе крѣпостнаго права тѣмъ, что постоянно стремился „закатать мужика въ острогъ по высшей мѣрѣ наказанія“. Непрошенный ходоатай, появившійся у мужиковъ, понятно, былъ ему палкой въ колесѣ.

Вотъ въ борьбѣ своей съ мировымъ судьей, прежде всего, Гаврила Петровичъ чрезмѣрно идеализированъ г. Скитальцемъ. Представьте себѣ такое дѣло. И мировой судья, и сельское начальство затѣяли противъ хромого столяра клеветный процессъ, опорой котораго служили подкупленные свидѣтели. Когда дѣло, по третьей инстанціи, передано было мировымъ съѣздомъ другому мировому судьѣ, Гаврила Петровичъ выигралъ процессъ, и какъ выигралъ?

Онъ самъ говорилъ въ судѣ защитительную рѣчь при огромномъ стеченіи „чистой публики“ въ залѣ суда, а нечистой—у крыльца камеры.

„Что это была за рѣчь! Уничтожающая, мощная, вдохновенная! Онъ разбилъ ею козни своихъ враговъ съ какимъ-то богатырскимъ размахомъ, словно Ерусланъ Лазаревичъ, срубавшій головы семиглавому змѣю; онъ, какъ Бова, разогналъ ихъ метлою!“

Хорошенькаго понемножку, г. Скиталець! Какъ бы ни былъ даровитъ и вамъ любезенъ вашъ герой, но чтобы произнести не сокрушительную, а просто даже дѣльную рѣчь въ судебномъ залѣ, надо кое-что иное, кромѣ внутренней силы и врожденнаго дара.

Поменьше риторики и побольше жизненной правды, г. Скиталець!

Мужики смѣялись надъ мировымъ судьей, явно принимая сторону хромого столяра. Слагались о послѣднемъ даже народныя пѣсни, главнымъ слагателемъ которыхъ являлся импровизаторъ, кузнецъ Назаръ.

Замѣчательное, признаться, стеченіе народныхъ талантовъ въ одномъ мѣстѣ!

Пѣсни и импровизаціи кузнеца Назара возникали вотъ какимъ образомъ. Въ сумерки, послѣ рабочаго дня, приходилъ онъ на крыльцо къ Гаврилѣ Петровичу слушать его пѣсни и перекидываться съ нимъ шутивно-серьезными рѣчами въ рифму. Музыка столяра всегда имѣла свойство вдохновлять Назара.

Держа передъ собой большой палецъ лѣвой руки, изуродованный ударомъ молота, и не спуская съ пальца глазъ, онъ начиналъ точно извлекать изъ пальца неистощимыя рифмы.

Всѣмъ доставалось въ летучихъ и ядовитыхъ куплетахъ крестьянина импровизатора: и попу, и судѣ, и писарю, и мужикамъ-мироѣдамъ.

О судѣ, напимѣрь, Назаръ пѣлъ:

Муровой судья, папаша,

Разсуди-ка дѣло наше:

Я не жуликъ и не воръ,

А мѣшокъ съ мукой уперъ!

Столяра и кузнеца сближали до тѣснаго единодушія не одни изящныя искусства. Въ обоихъ нихъ скрывались изобрѣтатели: они мечтали объ изобрѣтеніи вѣчнаго двигателя.

„Отцомъ въ это время овладѣвала неистовая, пламенная энергія: онъ работалъ цѣлый день, забывалъ объ ѣдѣ, о семьѣ, обо всемъ, кромѣ своей идеи. Онъ самъ кленалъ желѣзо, пилилъ, ковалъ, страшно возбужденный, съ горящими глазами, непобѣдимый (?), повелѣвающій“.

Интеллигентные люди, водившіеся въ деревнѣ и дружившіе съ талантливымъ самородкомъ, напрасно убѣждали его въ неисполнимости его идеи. Сыновья священника—семинаристы, сельскій учитель, письмоводитель мирового судьи—никто не умѣлъ разубѣдить увлекающагося самоучку. Въ отвѣтъ на оппозицію, онъ требовалъ вѣскихъ доказательствъ и спорилъ съ ними цѣлую недѣлю. Они чертили, доказывали теоремы,

наташили книгу, и Гаврило Петровичъ принялся за чтеніе. И тогда всѣ стали еще чаще ходить къ нему и проводить время въ горячихъ спорахъ,—о жизни, о наукѣ, о религіи, о человѣчествѣ.

Въ этихъ спорахъ самоучка быстро изъ ученика превратился въ учителя жизни. Всѣ „новыя“ идеи, на которыя ему указывали, окрѣплись въ его собственныхъ идеями; онъ даже уже расточалъ ихъ въ своихъ разсужденіяхъ о жизни. Несовершенство, несправедливости жизни онъ изучилъ основательно на собственномъ горькомъ опытѣ и по поводу сухихъ отвлеченныхъ идей сыпалъ такими художественно-яркими разсказами, что очень скоро обратилъ своихъ развивателей въ аудиторію. Подъ вліяніемъ прочитанныхъ книгъ и интеллигентнаго общества, и талантъ краснорѣчія во всю ширь у него развернулся.

Серьезный и животрепещущій вопросъ задѣваетъ переведенная въ той же книгѣ „Міра Божьяго“ драма талантливаго нѣмецкаго драматурга Артура Шнитцлера „Дикій“. Это вопросъ о дуэли между статскимъ и военнымъ или, что то же, о столкновеніи между военной и статской моралью.

Кавалерійскій офицеръ Каринскій, игрокъ и бреттеръ, привыкшій рвать статскихъ, какъ курицъ, въ обществѣ своихъ товарищей и знакомыхъ позволяетъ себѣ оскорбить двусмысленнымъ намекомъ молодую стрису, еще не сдѣлавшуюся тѣмъ, чѣмъ, къ сожалѣнію, слишкомъ часто дѣлаются актрисы за сценой... Молодой дѣвушки при этомъ не было, но былъ искренно любящій ее человекъ, статскій, богатый, независимый. Этотъ человекъ, Павелъ Реннингъ, даетъ кавалерійскому Донъ-Жуану, слишкомъ привыкшему къ побѣдамъ, пощечину. Тотъ на другой день присылаетъ къ Реннингу секундантавъ: в кодексъ военной чести, обида, нанесенная офицеру, должна быть смыта кровью его самого или его обидчика.

Но Реннингъ въ этомъ дѣлѣ оказывается „дикимъ“: онъ всѣхъ этихъ „кодексовъ“ признавать не хочетъ, онъ оказывается драться съ офицеромъ, котораго только наказалъ за дерзость, какъ слѣдовалъ. Напрасно и другъ Павла, докторъ Велькеръ, и серьезный и симпатичный офицеръ Ронштедъ убѣждаютъ Реннинга драться, убѣждаютъ не губить и себя, и Каринскаго. Потому что, вѣдь, если Каринскаго оставить съ этихъ пятномъ на чести и мундирѣ, то это человекъ, на вѣкъ ошельмованный. А какъ ошельмованный, онъ можетъ Богъ знаетъ на что рѣшиться по отношенію къ Реннингу.

„Если бы вы прислушивались къ своему чувству чести,—воражаетъ послѣдній на всѣ подобные доводы: а не къ философіи кодексовъ, то всѣ вы должны были бы вчера прогнать этого человека отъ нашего стола и объявить его безчестнымъ,—его, а на меня зато, что не дерусь съ нимъ“.

Итакъ, на дуэль Реннингъ не хочетъ соглашаться. Мало того, какъ настоящій „дикій“,

слишкомъ обособленный, хотя бы и въ вышинъ обособленный отъ понятій общества человекъ не хочетъ онъ слушать и никакихъ предостереженій о необходимости ему избѣгать теперешней встрѣчи съ обезчещеннымъ имъ человекомъ. Не хочетъ и слышать дружескаго совѣта доктора Велькера—не идти, по крайней мѣрѣ, туда, гдѣ его поджидаетъ доведенный до отчаянія офицеръ.

„Мнѣ осмѣлились пригрозить, Анна!—говоритъ онъ своей невѣстѣ, той самой, изъ-за которой все произошло:—видишь теперь, я долженъ остаться“.

И онъ идетъ на встрѣчу Каринскому, который, по троекратномъ опросѣ, хочетъ ли онъ съ нимъ стрѣляться, и по троекратномъ отрицаніи со стороны Реннинга, убиваетъ его на повалѣ изъ револьвера.

„Подлецъ!—воскликаетъ Павелъ, падая. Такъ-ли? Совершенно-ли это вѣрно? Это благородно, но нѣсколько прямолинейно, и потому, быть можетъ, не до конца справедливо.“

Да, Каринскій былъ подлецомъ, или очень близкимъ къ подлости легкомысленнымъ бреттеромъ, когда вчера позволилъ двусмысленный намекъ о чистой дѣвушкѣ. Но сегодня—на немъ, на его чести несмываемое, по его понятіямъ, по понятіямъ большинства, пятно. Нельзя отказать ему сегодня въ сочувствіи, въ симпатіи, когда онъ „кажущійся спокойнымъ“ перелѣ убійствомъ подходитъ къ своимъ товарищамъ и обращается къ простодушному и недалекому офицеру Фогелю („птичье!“) „съ слабой улыбкой“: „Не могъ высидѣть въ комнатѣ... Душно, Фогель!“

Правда, Павелъ вчера, когда его вызывали, говорилъ: „Не я ему (Каринскому) запрещаю жить, а безуміе, до котораго ни мнѣ, ни вообще разуму человѣческому нѣтъ никакого дѣла“.

Но серьезный Ронштедъ прямо тогда возразилъ этому яркому индивидуалисту: „Вы говорите—безуміе, а другіе всю жизнь прожили въ этомъ „безуміи“. То, что для васъ безуміе, для другихъ—воздухъ, которымъ они дышатъ. Вы не скажете, конечно, будто не знали объ этомъ. Вы знали, съ кѣмъ имѣете дѣло“.

Каринскій можетъ быть бреттеромъ и игрокомъ, и почти подлецомъ, и все-таки глубокое сочувствіе вызоветъ въ зрителѣ глубокое волненіе его искреннихъ словъ, когда на слова Ронштеда: „нашъ кругъ такъ узокъ, а міръ—великъ!“—онъ возражаетъ беззащелляціонно: „Не для меня... мой міръ весь тутъ, у васъ, среди мнѣ подобныхъ людей, среди тѣхъ, которые до сихъ поръ считали меня своимъ. Не будетъ этого—и для меня все окончится, все... И такъ оно и будетъ“.

Прекрасная драма А. Шнитцлера оставляетъ не только глубокое, серьезное впечатлѣніе, но оставляетъ еще въ умѣ нѣкоторый тяжелый и не поддающійся разрѣшенію вопросъ.